

Молчанье поля Куликова / The Silence of the Kulikovo Field

ПКНБ «Архитектура и культурная политика»

архитекторы

С. В. Гнедовский (рук.), А. Любимкин, Е. Любимкина, И. Бушминский при участии А. Бехтиной, Е. Хромовой, И. Лапина

конструктор

С. Ю. Гнедовский

генеральный подрядчик

ЗАО «Главзарубежстрой»

общая площадь здания

5340 кв. м /

PKNB Architecture and Cultural Policy
architects

S. V. Gnedovsky (head), A. Lyubimkin, E. Lyubimkina, I. Bushminsky feat.

A. Bekhtina, E. Khromova, I. Lapin

structural engineer

S. Yu. Gnedovsky

general contractor

Glavzarubezhstroy

total built area

5340 sq. m

КОНСТАНТИН ЛИДИН / KONSTANTIN LIDIN
социальный психолог / social psychologist

Немецкое слово «ландшафт» и французское «пейзаж» пришли в русский язык почти одновременно. За последующие двести лет оба изрядно обрусели и переплелись значениями. В повседневном употреблении успешно подменяют друг друга, так что для архитектурного объекта быть вписанным в пейзаж или в ландшафт – практически одно и то же.

Между тем в некоторых случаях происхождение властно сказывается в смыслах этих близких слов. Начиная с IX века, когда первые позывы национального самосознания заставили монахов Фульдского монастыря заменить латинское *regio* на немецкое *landschaft*, в этом слове зафиксировался взгляд скорее рассудочный, систематизирующий и классифицирующий. Способ

мировосприятия, раскладывающий все видимое по полочкам довлеющей типологии – в духе средневековой софистики и уже бродящего по Европе призрака протестантизма.

Пейзаж изначально сосредоточен не на типичном, а на уникальном. Мощный взлет этот живописного жанра не случайно пришелся на импрессионистическую революцию. Избавленный от мраморной доски и стеклянного куранта для растирания красок, живописец с запасом тюбиков вышел на открытый воздух, и его глаз и рука без вмешательства разума перенесли на холст мгновенные игры света в пленэре.

Архитектура гораздо чаще становится фактором ландшафтным, чем пейзажным. Моне тридцать раз написал Руанский собор, а Делоне – Эйфелеву башню, но все же ведут так и осталась побочным явлением в пейзаже. Иное дело – ландшафт. Каждый значительный архитектурный объект меняет смысл окружающего пространства и формирует иную типологию, а следовательно, иной ландшафт. Не то что иную природу места, но иное понимание этой природы.

Музейный комплекс «Поле Куликовой битвы» в Тульской области, несомненно, является значительным архитектурным объектом. И его присутствие властно меняет восприятие этого места. Ковыльная степь (кстати, ее ковыльность – тоже элемент архитектурного замысла, степные травы пришлось искусственно выращивать и поддерживать против нахальных сорняков нового времени) изменилась. Относительно

небольшой комплекс, нарочито спрятанный под зелеными кровлями, вдруг наполняет тревогой и величием несколько квадратных километров вокруг себя.

Станислав Лем в «Возвращении со звезд» подметил, как различны тишина и молчание. Тишина – это просто отсутствие звука, а молчание наполнено смыслами. Музейный комплекс превращает природную степную тишину в молчание. И вот уже кажется, что не фасады зданий зигзагообразно выступили из-под травянистых кровель, а сама земля в ожидании битвы треснула изнутри от невыносимого напряжения. Не просто кирпич стен побелен известковой штукатуркой по старинной технологии – нет, это сотни тысяч, пришедшие сюда за князем Дмитрием из страшной дали, за триста километров, своими руками принесли кусок Белокаменной в эту Дикую степь. Не светильники стоят, вразнобой наклонившись на крыше, – войско стоит, и горят над ним то ли факелы, то ли огни святого Эльма.

Куликова битва сама по себе находится где-то между историческим фактом и национальным мифом. Вплоть до конца XVII века про нее почти и не вспоминали. Взлет исторического мифотворчества на поле Куликовом, очевидно, связан с первым столкновением между Россией и объединенной Европой, с наполеоновским нашествием и его разгромом. Отсюда же рост интереса в Куликовому полю в 1913–1917 годах и в конце сороковых годов прошлого века. Параллель понятна:

Понятие ландшафта тесно связано с классифицирующим, смыслообразующим восприятием. Присутствие архитектурного объекта может кардинально изменить смысловое поле ландшафта. Музейный комплекс «Поле Куликовой битвы» преобразует типичный среднерусский степной ландшафт в объект, наполненный смыслами историческими, мифологическими, идеологическими и так далее. В результате природный объект становится объектом текстовой, книжной культуры городского типа.

Ключевые слова: ландшафт, архитектура, природа, город, смыслообразование. /

The notion of landscape is closely related to classifying and sense-making perception. The presence of an architectural object can drastically change the semantic field of the landscape. The museum complex “The Battle of Kulikovo Field” transforms a typical mid-Russian steppe landscape into an object filled with historical, mythological, ideological and other senses. As a result, a natural object becomes an object of text and book urban culture.

Keywords: landscape; architecture; nature; city; sense making.

объединенная Чингисидами Азия не смогла покончить с Россией в XIV веке, как Европа не смогла этого сделать ни в XIX, ни в XX веках. О веке XXI, пожалуй, выводы делать рано.

Мы помещаем материал о музейном комплексе «Поле Куликовской битвы» в главную тему номера «Природа и город». Комплекс, как нам представляется, уникальный, почти идеальный образец того, как минимальным воздействием архитектура способна перенести природный феномен в контекст

городской культуры. Точечный в масштабах географического ландшафта объект полностью меняет смысл этого ландшафта, вернее, наполняет его множеством смыслов. Ландшафт природный, пейзажный становится подобен тексту, который (согласно Ролану Барту) можно прочесть бесконечным количеством способов. Фрагмент среднерусской лесостепи превращается в нечто мифологическое, историческое, политическое... – в общем, в неотъемлемый элемент континуума культуры книжной, текстовой, городской.

Виртуозное мастерство и бережное, мудрое отношение к исходному материалу (как природному, так и культурному) позволяют проделать эту операцию безболезненно и ненасильственно. Комплекс выглядит так, будто он не построен, и даже не вырос в этой степи – он как-то случился, не по воле авторов, а по неизбежному стечению процессов исторической памяти. И представляется, что именно у него есть шанс стать новым, не пафосным и не злободневным, а вечным, как рублевская икона, символом национального самосознания.

